

9. 马君(Ма Цзюнь), 李一凡(Ли Ифань). 我国职业教育国际合作政策的发展历程、演进逻辑与优化路径(История, эволюция и путь китайской политики международного сотрудничества в сфере профессионального образования) / 君马(Цзюнь Ма) // 教育与职业(Журнал “Образование и профессия”). – 2021. – № 20. – 第20–27页 (С. 20–27).

10. 中外合作办学机构与项目(Список китайско-зарубежных совместных учебных заведений и совместных образовательных проектов) [电子信息 (Электронный ресурс)]. – 存取方式. – Режим доступа: <https://www.crs.jsj.edu.cn/aproval/orglists> – 存取日期. – Дата доступа: 18.02.2022.

11. 中国高职教育(Высшее профессиональное образование в Китае) [电子信息 (Электронный ресурс)]. – 存取方式. – Режим доступа: <https://www.tech.net.cn/news/show-83188.html> – 存取日期. – Дата доступа: 18.02.2022.

12. 东北三省一区 “一带一路” 职业教育联盟成立(Создание Альянса профессионального образования трех северо-восточных провинций и одного автономного района ОПОП) [电子信息 (Электронный ресурс)]. – 存取方式. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/513638173_121124020 – 存取日期. – Дата доступа: 18.02.2022.

13. Про затвердження Положення про дуальну форму здобуття професійної освіти (Об утверждении Положения о дуальной форме получения профессионального образования) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/z0193-20#Text> – Дата доступа: 02.11.2022.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.

Н. О. Хушваков

Государственный музей заповедник «Шахрисабз» Узбекистана,
Шахрисабз

Г. И. Богомолов

Национальный центр археологии Узбекистана, Ташкент

N. Khushvakov

State Museum Reserve «Shakhrisabz» of Uzbekistan, Shakhrisabz.

G. Bogomolov

National Center of Archeology of Uzbekistan, Tashkent

УДК 904"03/04"(575.1)

ОБРАЗ СИЁВУША В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ИЗ ЯККАБАГА (УЗБЕКИСТАН)

THE IMAGE OF SIYOVUSH IN ARCHAEOLOGICAL MATERIALS FROM YAKKABAG REGION (UZBEKISTAN)

В изучении истории и культуры доисламского периода Средней Азии одним из важнейших значений может сыграть изучение и интерпретация плакетки-иконки, найденной на территории кладбища «Кабургаота» в северной части селения Алакуйлак.

Данная плакетка изготовлена из качественной местной глины, имеющий желтовато-коричневый цвет. Неспроста образ козлоголового персонажа (изображенный на многих найденных археологических памятниках, находках, сохранившийся в мифологиях Греции, и будучи сакральным животным в религиозных представлениях Шумера, Аккада и Вавилона) является культовым (переходит от животного образа к антропоморфному) и имеет ритуальную значимость. В Греческой мифологии и искусстве Дионис первоначально является богом плодородия (умирающий и возрождающий) затем виноградарства и виноделия. Он мог являться в образе различных животных, в том числе в образе козла, древнего хитонического демона. Более того, козёл – сакральный атрибут Диониса. Одно из имён Диониса, отражающее значимость козла, называется – «живойкозлёнок». Следует учесть важный аспект в том, что как и Дионис Среднеазиатский Сиявуш был тесно связан с плодородием и почитался как умирающим и возрождающимся богом растительности, покровителем виноделия, наравне обладающим чертами астрального божества.

Ключевые слова: Южный Согд; Яккабаг; Алакуйлак; Шахрисабз; плакетка-образок; калыб; оттиск; зооантропоморфный образ; горных козел; Дионис; Сиявуш; петроглиф; апезак.

In the study of the history and culture of the pre-Islamic period of Central Asia, one of the most important values may be the study and interpretation of the icon plaque found on the territory of the Kaburgaota cemetery in the northern part of the village of Alakuylak. This cloth is made of high-quality local clay, which has a yellowish-brown color. For some reason, the image of the goat-headed character (depicted on many archaeological sites found, finds preserved in the mythologies of Greece, and being a sacred animal in the religious representations of Sumer, Akkad and Babylon) is cult (moving from an animal image to anthropomorphic) and has ritual significance. In Greek mythology and art, Dionysus is originally the god of fertility (dying and reviving) then viticulture and winemaking. He could appear in the image of various animals, including the image of a goat, an ancient chitonic demon. Moreover, the goat is the sacral attribute of Dionysus. One of Dionysus's names, reflecting the significance of the goat, is called the «living goat». An important aspect should be taken into account in that, like Dionysus of Central Asia, Siyavush was closely associated with fertility and was revered as the dying and reborn god of vegetation, the patron saint of winemaking, on an equal basis possessing the features of an astral deity.

Keywords: Southern Sogd; Yakkabag; Alakuylak; Shahrisyabz; placette-image; kalyb; imprint; zooanthropomorphic image; mountain goat; Dionysus; Siyavush; petroglyph, apезак.

Уже несколько десятилетие Государственный музей заповедник «Шах-рисабз» ведут археологическое исследование Яккабагского района Кашкадарьинской области – один из старейших историко-культурных регионов Узбекистана. Полученные археологические материалы, особенно терракотовые изделия, которые, отражая народные культы, несут образы архаических верований, позволяют реконструировать не только быт и занятия древнего населения, но и духовную культуру, в том числе религиозные обряды и представления.

Недавно на кладбище «Кабургаота» в северной части селения Алакуй-лак, расположенном к юго-востоку от Шахрисябза, случайно была найдена терракотовая плакетка-образок с зооантропоморфным изображением (рис. 1). Сама плакетка изготовлена из тонко отмученного глиняного теста желтовато-коричневатого цвета. Плакетка имеет вид вытянутой вверх арки с почти прямоугольной нижней частью и верхушкой остро арочной формы. Ее размеры – высота почти 15 см, ширина по основанию 6 см, в средней части – 7 см. Ее оборотная сторона заглажена, а лицевая – представляет собой отгиск в форме-калыбе. Край плакетки обрамляет невысокий бортик, прямоугольный в сечении и неодинаковый по ширине. Верхняя площадка бортика декорирована, но отгиск – нечеткий, то ли слабый изначально, то ли сильно затерт. Тем не менее, видно, что основным элементом служила полоса из ломанной линии, в нижней части которой между изгибами помещались треугольные углубления.

Всю внутреннюю часть под аркой занимает крупная фронтально развернутая стоящая зооантропоморфная фигура. Только его голова повернута влево, почти в профиль. На голове у него показаны крупные, мощные рога, верхняя часть которых заметно загнута назад. Поверхность рогов покрыта поперечными рельефными валиками, отражающие фактуру рогов ибекса. Ниже под ними показана низко надвинутая корона в виде линии зубцов подтреугольной формы и крупного круглого диска спереди, надо лбом. Лицо отпечаталось неодинаково. Хорошо видны: крупный с узким разрезом глаз с выделенным в центре зрачком и косые насечки в нижней части лица (борода или шерсть). Тогда как передняя часть головы смята, но похоже она представляла собой удлиненную морду животного. Почти на плечо опускается узкая борода. С правой стороны на грудь спускается то ли лента, то ли косичка.

Возможно, он одет в рубаху с длинными рукавами. В то же время отсутствие ворота, складок одежды не исключают того, что персонаж был обнажен до пояса. Грудь его украшает апезак – нагрудное украшение в виде медальона, укрепленного на ремнях по середине.

Нижняя часть туловища закрыта юбкой с полукруглым подолом. Причем поверхность юбки состоит как бы из четырех рядов поясов, видимо, нашитых друг на друга. Край последнего обрамляет пояс из кружков. В правой руке, отставленной в сторону и опущенной на уровень груди, персонаж сжимает меч, поднятый острием вверх. В таком случае уплощенный валик перед кистью мог представлять собой широкий браслет.левой рукой он опирается на верхушку какого-то овального предмета, возможно, это щит или винный мех. Поза персонажа – необычная, его ноги широко расставлены, точнее он опирается на правую ногу, а левая – поднята вверх и почти сливается с нижним краем «щита». За правым плечом персонажа показан столбик с косыми насечками, образуя как бы витую поверхность.

Это изображение языков пламени, призванное подчеркнуть его божественный статус, схожие изображения языков пламени известны на согдийских плакетках.

Очень важен вопрос датировки предмета, тем более что археологический контекст находки неясен. Осмотр местности показал, что кладбище село на древнее поселение, почти прямоугольной формы, размером 260 × 150 м. В его юго-восточной части выделяется небольшая цитадель или замок высотой 3 м. Высота основной части поселения составляет 1 м. Памятник окружен оборонительной стеной шириной 2,5 м. На этой стене найдено несколько артефактов, позволяющих судить о времени его обжигания. Это антропоморфная терракотовая фигурка, грубо вылепленная из единого куска глины бурого цвета. Крупная голова персонажа как бы слегка задрана вверх, защипом выделен нос и надбровные дуги. Мелкими дискovidными налепами с наколами круглой поллой трубочки образованы круглые глаза персонажа. Рот передан в виде С-образного углубления. Верхняя часть головы и скошенного лба подрезаны ножом. Туловище в сечении уплощенно-овальной формы. Руки и ноги обломаны и утрачены. Верхняя часть ног расходится в стороны, т. е. ноги персонажа были расставлены. Сохранившиеся размеры статуэтки: высота – 6,5 см, ширина по уровню плеч – 4,1 см. Вероятней всего, это могла быть фигурка всадника или идольчика, изображавшая фраваша или кого-то из предков в каких-то домашних обрядах. Схожая лепная фигурка только из темно-серой глины с отдельно вылепленным алтариком с городища Канка датируется VI–VII вв. Однако вне зависимости от интерпретации важно другое – фигурки из Канки и с поселения Алакуйлак следует датировать в пределах VI–VII вв.

Еще одним датирующим артефактом, указывающим на период функционирования поселения, может служить найденная здесь крышка овального, юртообразного оссуария, ее размеры: длина – 31 см, наибольшая ширина – 26 см, высота 17,5 см, причем собственно ручки – 5,5 см. Оссуарии подобной формы больше характерны для Ташкентского оазиса, но встречаются в Согде и датируются в довольно широких пределах VI–VIII вв. Таким образом, можно предположить, что к VII–VIII вв. поселение было заброшено и часть его стала использоваться под зороастрийское кладбище.

Сама плакетка-иконка, точнее ее форма, с выделенным бортиком вдоль края находит аналогии среди согдийской терракоты V–VII вв. [1, с. 12]. Однако, среди выделенных В. А. Мешкерис образов нет терракот с апезаком. Возможно, в данном случае сказались культурные связи и влияние Сасанидского Ирана, тем более, что ряд терракот с Шортепа и Еркургана несут следы сасанидского официального портрета [2, с. 54–55]. В этот круг атрибутов входит и изображение апезака, по-видимому, в передаче образа персонажа на плакетке-иконке с Алакуйлака художник апеллировал к одному из официальных изображений Шапура II Великого (309–379 гг.), как

воителя. Все это позволяет предполагать датировку плакетки IV–V вв. В функциональном плане совершенно очевидно, что эта терракотовая иконка служила своеобразным талисманом-оберегом.

Значительно более сложен вопрос об интерпретации образа. Прямых аналогий среди образов согдийской терракоты пока не обнаружено. Пожалуй, наиболее близкой аналогией является изображение антропоморфного персонажа с козлиной головой в медальоне на дне серебряной чаши из Верхне-Березовскогоклада, которую исследователи относят к хорезмийским изделиям. Кстати, В. П. Даркевич трактовал это изображение как участника оргиастического маскарада в маске козла, связанного с культом плодородия. Где копы с лентами (тирс) и маска козла, указываются на дионисийский характер праздника [3, с. 54–55]. Совершенно иначе рассматривал этот образ С. П. Толстов, по его мнению, в виде «козлоголового божества» на чаше изображен Сиявуш [4, с. 205].

Немаловажна еще одна находка из района Шахрисябза – тоже плитка-образок, т. е. практически из одного района с находкой из Алакуйлака. Она близка к ней по форме и назначению, опубликована С. К. Кабановым [5, с. 54]. Согласно С. К. Кабанову, плитка была найдена близ северной стены Шахрисябза. Она изготовлена из красноглиняного теста с белыми вкраплениями (по всей видимости, добавками мелкотолченого гипса в качестве отощителя), и вся ее поверхность покрыта светлым серым ангобом. Размеры плитки: высота – 13 см, ширина по основанию – 6,7 см. Первоначально С. К. Кабанов относил плитку к кушанскому времени, позже он пересмотрел свое мнение и предложил датировать ее не ранее V в. н. э. В настоящее время плакетка находится в экспозиции Государственного музея истории Узбекистана.

Лицевая сторона плитки оттиснута в форме-калыбе. Край ее (бортик) образует стрельчатую арку с плоским основанием, кроме основания, декорированного линией вертикальных насечек. Поверхность бортика украшена соединенными в цепочку ромбиками. Под аркой также изображено стоящее фронтально развернутое зооантропоморфное существо. У него необычное лицо, удлинненно-треугольной формы, скорее напоминающее морду животного, защипом выделена удлинненная часть с носом (большая часть которого, к сожалению, отбита), в образовавшихся округлых впадинах посажены глаза. Хорошо видно, что прямо из головы растут длинные загнутые рога, образующие почти замкнутый овал. Кроме того, на голову одета очень схематично переданная корона, нижняя часть которой показана в виде полосы из вертикальных насечек, а верхняя в виде ребристого шара.

Персонаж одет в короткий кафтан до колен с широким треугольным подолом, край которого украшен (окантован) полоской в виде широкого валика. Воротник кафтана передан короткими вертикальными насечками. Вертикальным волнистым валиком показан край запахнутого подола. Ноги

переданы условно, они очень тонкие, широко расставлены. За ними показан тянущийся вверх растительный росток. Любопытна еще одна деталь, как и на фигуре персонажа на плакетке из Алакуйлака, фигуру Шахриябзской плитки пересекает цепочка овальных бугорков. Языков пламени нет, но верхнюю часть фигуры обводят горизонтальные штришки, символизирующие сияние, призванные подчеркнуть божественную природу персонажа.

Действительно, изображения на плакетках-иконках всегда имели культовый характер и несли изображения божеств или духов-защитников и были призваны оградить владельца от всяких напастей, наделить благодатью или защитить. Поэтому персонажи на плакетках, из Алакуйлака и Шахриябза вместе с козлоголовым существом на хорезмийской чаше из Верхне-Березовского клада передавали образ либо самого божества плодородия, причем очень архаичный, или кого-то из его спутников (восходящих к его инкарнациям). Одним из таких его легко узнаваемых инкарнаций и даже атрибутов был козел, который во многих культурах издавна трактовался как символ плодovitости и изобилия. Уже с древнейших времен там, где охотились на дикого козла или разводили коз, козел играл важную роль в ритуалах и обрядах. Хотя символическое значение животного различалось по гендерной принадлежности. Так, козел воспринимался из-за своего драчливого характера как символ мужественности, воплощение жизненной силы и фертильности, а в козе видели кормилицу и воплощение материнского начала. Не исключено, что образ «козлоголового персонажа» отражает дальнейшее развитие культа козла (переход от животного образа к антропоморфному) и его ритуальной значимости.

Вполне возможно в сложении образа на плакетке из Алакуйлака могла отразиться адаптация изображения и представлений о божестве плодородия другого религиозного круга или слияние с ним местных воззрений. Еще в раннюю эпоху определенное влияние на сложение некоторых мифологических образов оказали религиозные представления Древней Месопотамии.

В религиозных представлениях Шумера, Аккада и Вавилона козел был сакральным животным владычиц животных, Мардука и Ниннеру, бога земледелия и оросительных каналов. В старовавилонском и раннекаситском искусстве бог Амарру изображался в виде человека в длинном одеянии с крюкообразным посохом, одной ногой стоявшего на маленькой фигурке горного козла, воспринимался как бог кочевников. Причем знаменательно, что в аккадском искусстве термином «амарру» еще обозначали группу звезд созвездия Персей [6, р. 130].

В греческой мифологии и искусстве Дионис – первоначально бог плодородия (умирающий и воскресающий, один из эпитетов Диониса – Загрей, в древнегреческой мифологии его также называли «старший Дионис». Зевс посетил Персефону в виде змея, и та родила ему рогатого младенца Загрея-

Диониса. Однако ревнивая Гера подговорила титанов, и те стали преследовать его, настигли и растерзали. Афине удалось спасти его сердце, т. е. саму сущность бога, его проглотил Зевс и дал второе рождение сыну через Семелу), затем виноградарства и виноделия. Он мог являться в образе различных животных, в том числе в виде козла, древнего хтонического демона. Больше того, козел – сакральный атрибут Диониса, а одно из его имен – «живой козленок». Спутники Диониса – демонические существа, козловидные сатиры и силены (лесные божества, демоны плодородия). Важной составляющей культа Диониса были празднества (Дионисии) в его честь. Они праздновались четыре раза в год и были связаны с календарно-вегетативными циклами, завершением или началом сельхозработ. В эти дни устраивались веселые шествия, в процессии вели жертвенных животных (чаще всего козла), священную утварь, сосуды с вином для возлияний, пели песни в честь Диониса. После жертвоприношения устраивались пирушки и шуточные игры-состязания, качались на качелях, прыгали на одной ноге по надутым козьим мехам, смазанных маслом, этим же объясняется странная поза персонажа на плакетке из Алакуйлака. Победитель в награду получал мех с вином.

Однако, в нашем случае оружие – меч в руках персонажа на плакетке из Алакуйлака, дубина в руках Шахрисябзского персонажа или копье в руках «козлоголового существа» на серебряной чаше из Верхне-Березовского клада, скорее всего, объясняется их функцией защитника-охранителя. Видимо, эти персонажи служат не только подателем плодородия (разных благ), т. е. сельскохозяйственным божеством, но и богом-воителем, защитником общины от различных опасностей.

Очень любопытна линия Дионис – Сиявуш, подробно рассмотренная В. П. Даркевичем [7, с. 110]. Как и Дионис, среднеазиатский Сиявуш был тесно связан с плодородием, почитался как умирающий и возрождающийся бог растительности и покровитель виноделия, обладавший еще и чертами астрального божества [8, с. 205]. Согласно Закарьи Казвини, одно из созвездий называлось «Бар Сиявуш». Оно изображалось в виде юноши с мечом в руке и отрубленной головой Гуля в другой. Г. А. Пугаченкова приводит еще более любопытное сообщение Димишки, что созвездие Бар-Сиявуш изображалось в виде человека, стоявшего на одной ноге и державшего в руке голову Гуля [9, с. 60]. Видимо, не случайно эти описания совпадают с изображениями на некоторых оссуариях и плакетках из Согда, которые передают оттиск крупного штампа в виде сидящего или стоящего божества с оружием и головой чудовища в руках, может, и Бар-Сиявуша. По крайней мере нельзя исключать вероятность, что персонаж из Алакуйлака – это один из вариантов иконографии образа Бар-Сиявуша. В таком случае, как благое созвездие он вполне мог быть выбран каким-нибудь человеком в качестве личного покровителя-защитника.

Важен еще один аспект в представлениях о Сиявуше: он мог восприниматься как носитель огненной стихии (испытание огнем по Шахнаме, посвященная ему птица – петух – также ассоциировалась с огнем и солнцем). И это не удивительно, так как в представлениях древних огонь наделялся плодоносящей, животворной силой, а горный козел уже с глубокой древности мог восприниматься как солярно-космический образ. Например, на петроглифах Саймалыташа козел шествует среди изображений солнечных дисков [10, с. 23–31]. В петроглифах святилища Боралдай (южные отроги Каратау) рога козла нередко изображены загнутыми в кольцо, замыкавшееся на спине животного. Причем часто в центре кольца выбивалась точка [11, с. 23–31], т. е. сам козел воспринимался как солнце или несущий солнце. Е. А. Смагулов и А. А. Ержигитова приводят процарапанную на керамике композицию и изображение стоящего козла перед «солярным знаком в виде розетки» [12, с. 98].

Следы связи козла с огнем прослеживаются и на среднеазиатском материале. Неслучайно на сакских котлах и жертвенниках присутствуют фигурки горных козлов или ручки в виде их рогов. И даже позже в эпоху Средневековья сохраняется традиция помещать на сосуды, связанные с огнем или приготовлением пищи, схематические изображения головы горного козла. Так, на красноглиняном котелке X в. с городища Кавардан ручки оформлены в виде сильно стилизованной головы козла.

Очень соблазнительно было бы видеть в некоторых изображениях человека, стоящего или сидящего на козле. Многочисленные примеры свидетельствуют, что с эпохи бронзы в сценах наскального искусства Средней Азии, Алтая, Сибири своеобразной опорой антропоморфного персонажа служат различные животные, в том числе и козлы. Причем, по мнению некоторых исследователей, в этом можно видеть слияние инокультурных влияний с местными представлениями. Для нас важно другое: что это отражает этап становления, точнее наделения антропоморфным обликом божества (патрона местности, хозяина животных, явлений природы) из прежде зооморфного образа, архаические представления об образе божества огня или грозы. Уже с эпохи бронзы у многих народов Востока широкое распространение получает сюжет с изображением человека, который стоит или сидит на спине животного.

Интересно, что среди петроглифов Средней Азии присутствует изображение человека, стоящего над козлом или на козле. Правда, как считают исследователи, изображение человека могло быть добавлено позже. Таковы несколько петроглифов из Сармишса, целой галереи, выбитых на скалах рисунков животных и человека на склонах Кубатау, отрогов Нуратинского хребта и, безусловно, священного места на протяжении длительного времени [13, с. 217–222]. Среди петроглифов Тамгалы в Семиречье есть изображение солнцеголового божества на быке. К эпохе бронзы относятся пе-

троглифы Саймалыташа с изображением колесницы (вероятно, священной повозки божества), в которую впряжены лошадь и козел. В другой сцене в колесницу впряжены то ли горные козлы, то ли кони, к головам которых приделаны длинные рога горных козлов. Известно, что козел во многих древних культурах выступал атрибутом бога громовержца. Вполне возможно, что обе композиции в целом изображали священную колесницу божества, например, бога грозы, повелителя туч, а значит дождя, растительности и плодородия. Вероятно, именно в этом ключе следует трактовать другую сцену с Саймалыташа, где в колесницу запряжены лошадь и козел. По бокам от них показаны какие-то мало понятные фигуры (птицы?), в нижнем углу сцены помещены две человеческие фигуры с воздетыми вверх руками. Но самое интересное возница, он представляет собой антропоморфное существо с длинными рогами и длинным хвостом, напоминающий персонажа с плакетки. Скорее всего, композиция передает поклонение персонажу на колеснице и ожидание от него каких-то благ.

Видимо, в Средней Азии эта иконографическая концепция сохранялась вплоть до раннего Средневековья. Так, на халцедоновой раннесредневековой гемме из Сидак-ата в Южном Казахстане изображен человек, сидящий на козле, по обе стороны от которого помещены два растительных побега. Все это указывает на связь персонажа на гемме с растительным миром и плодородием, и это вполне могли быть Сиявуш-Дионис или Атар, который разлит по всему космосу, но в своей ипостаси как огонь Урвазишта присутствует в растениях, греет зерна и семена в земле, благодаря ему растения цветут [14, с. 100].

Таким образом, плакетка из Алакуйлака – это амулет с изображением божественного персонажа (о чем свидетельствуют языки пламени), она была предназначена для почитания божества в домашнем святилище или для ношения в качестве оберега-защиты, подателя блага выбранного божества-покровителя. Однако для уверенной персонификации персонажа на алакуйлакской плакетке данных все же слишком мало. Совершенно очевидно, что божество связано с плодородием и может быть идентифицировано с Сиявушем, но еще вероятней с Атаром (с последним сближают не только параллели с индийским Агни). Кроме того, Атар – один из наиболее активных, энергичных зороастрийских божеств. Он тоже связан с плодородием, дарит людям стада и много других благ. Оружие в его руках подчеркивает еще одну его функцию – защищать вместе с Воху Ману творения Аши от Ангро Майнью [15, р. 66–67].

Несмотря на уникальность изображения следует подчеркнуть, безусловно, местное производство плакетки. Важен еще один аспект: персонаж плакетки свидетельствует об устойчивости и живучести древних образов. Изображения зооантропоморфных существ охватывают огромный ареал и их наиболее древние изображения связаны с наскальными рисунками, где их

часто обозначают термином «ряженные», подразумевая в них людей, участников мистерий, или жрецов, одетых в шкуры и звериные маски. Однако не исключено, что схожее развитие общества, уровень взаимодействия с природной средой подпитывали появление схожих тотемистических и анимистических верований и способствовали возникновению и развитию образов полиморфных существ в мифологии и искусстве Средней Азии.

Список использованных источников

1. *Мешкерис, В. С.* Согдийская терракота / В. С. Мешкерис. – Душанбе: Дониш, 1989. – С. 12.
2. *Сулейманов, Р. Х.* Древний Нахшаб / Р. Х. Сулайманов. – Самарканд-Ташкент: Изд-во ФАН, 2000. – С. 54–55.
3. *Даркевич, В. П.* Художественный металл Востока VII–XIII вв. / В. П. Даркевич. – М.: Наука, 1976. – С. 54–55.
4. *Толстов, С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования / С. П. Толстов. – М.: Наука, 1948. – С. 205.
5. *Кабанов, С. К.* Две терракоты из долины Кашкадарья / С. К. Кabanов. – Ташкент, 1962. – Вып. 2. – С. 54–55.
6. *Кабанов, С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. / С. К. Кabanов. – Ташкент, 1981. – С. 54.
7. *Gray, L. H.* The foundations of the Iranian Religions. Being a series of the Ratanbai Katrak Lectures delivered at Oxford / L. H. Gray. – Bombay: Kitab Mahal, 1925. – P. 130.
8. *Даркевич, В. П.* Художественный металл Востока VII–XIII вв. / В. П. Даркевич. – М.: Наука, 1976. – С. 110.
9. *Даркевич, В. П.* Художественный металл Востока VII–XIII вв. / В. П. Даркевич. – М.: Наука, 1976. – С. 205.
10. *Пугаченкова, Г. А.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана / Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. – Ташкент: Изд-во худ. лит-ры, 1960. – С. 60.
11. *Байтанаев, Б. А.* Петроглифы Бролдая / Б. А. Байтанаев, С. Д. Потапов, А. Н. Грищенко. – Алматы: Кумбиз, 2007. – С. 23–31.
12. *Смагулов, Е. А.* Пенджикентский «Бык у алтая» и графика Сидака (Южный Казахстан) / Е. А. Смагулов, А. А. Еркигитова // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб.: ГЭ, 2016. – Вып. 20. – С. 98.
13. *Хужаназаров, М. М.* Наскальные изображения древних кочевников Каратау / М. М. Хужаназаров // Культура номадов Центральной Азии: материалы Междунар. конф. – Самарканд, 2008. – С. 217–222.
14. *Рак, И. В.* Мифы древнего и раннесредневекового Ирана / И. В. Рак. – СПб.; М., 1998. – С. 100.
15. *Tashbaeva, K.* Petroglyphs of Kyrgyzstan / K. Tashbaeva. – Samarkand, 2001. – P. 23–31.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)